

approval merits, didn't get aside negative points, however usually their opinions benevolent at most, but not condescending.

Keywords: *French literature, French writers (Voltaire, Rousseau, Hugo, Musset at alias), critics (Boileau, Chateaubriand), Russian writers (D. I. Fonvizin, V. A. Zhukovskiy, N. M. Karamzin, A. S. Pushkin, N. V. Gogol), lingvoimagology.*

УДК 81'374

Калинкин В. М.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В СЛОВАРЯХ ТИПА “ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ” КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассмотрены некоторые аспекты ономографии (описания собственных имён в словарях языка писателей), доказывається важность разработки специальной теории писательской ономографии для дальнейшего развития лексикографии, обосновывается необходимость использования предлагаемой терминологии. Представлены особенности ономографии поэтонимов (собственных имён литературно-художественных произведений). На материале наследия А. С. Пушкина показаны некоторые свойства языка и творческой манеры художника слова, предопределяющие вариативность основных моделей словарных статей.

Ключевые слова: *лексикография, модель словарной статьи, оним, ономография, поэтика, поэтическая семантика, поэтоним, поэтонимография, словарь языка писателя.*

Проблемы лексикографии собственных имён в словарях языков писателей, увы, не новы, но, по-прежнему, нуждаются как во всестороннем обсуждении, так и в поисках конкретных, желательно, нетривиальных решений отдельных вопросов, относящихся к общей теории и к практическим осуществлению идей в словарных проектах. Именно поэтому они сохраняют актуальность и необходимость воплощений. Последние, однако, в современных условиях весьма проблематичны в силу отнюдь не филологических обстоятельств. Но, следуя совету: “Ищите и обрящите”, – продолжим обсуждение упомянутых в аннотации вопросов в надежде, что и вторая часть этого евангельского афоризма: “Толцыте, и отверзется вам” – сбудется.

В статье предлагается оставить за пределами обсуждения те аспекты, которые связаны с отношением к собственным именам как материалу, достойному описания в словарях языка писателя, с единственной целью – сосредоточиться на некоторых аспектах специальной теории писательской ономографии и вытекающих из её положений решений практического характера, причём таким образом, как будто дискуссия о целесообразности изучения собственных имён завершена окончательно в их пользу.

Начать придётся с, по возможности, простого ответа на вопросы: 1) Что такое “язык писателя”? и 2) Что такое “Словарь языка писателя”?

В своё время Г. О. Винокур, отметив безграничность темы “язык писателя”, посетовал, что говорят о ней “совершенно абстрактным образом, общими, ничего не выражающими словами: “красивый язык”, “гибкий язык”, “сочный язык”, – и, обозначив, таким образом, нежелание следовать этой традиции, выбрал в качестве предмета один конкретный вопрос “Язык писателя и норма” [2, с. 20]. Само собой разумеется, что понятие “язык писателя”, с точки зрения лингвиста, обозначает всю

совокупность языковых средств, употребляющихся [...]. И вот тут [...], минуточку [...], в его художественных произведениях (только?), во всех сохранившихся рукописях, вариантах и окончательных текстах опубликованных произведений (только?) или во всём корпусе документально засвидетельствованных употреблений средств того или иного языка (?).

В предисловии к 1-му изданию “Словаря языка Пушкина” В. В. Виноградов отметил справедливое, по его мнению, суждение академика Л. В. Щербы: “Словарь языка писателя – который обязательно должен быть и с черпы в а ю щ и м (разрядка моя. – В.К.) – является принципиально словарём-справочником” [2, с. XIII]. Вместе с тем ответственный редактор указал, что “Словарь языка Пушкина далеко не охватывает всех своеобразий, всех качественных особенностей пушкинского стиля в области словоупотребления, в области фразеологического сочетания слов, а также их образного использования. Это словарь, прежде всего, языка, а затем – и то не в полной мере (разрядка моя. – В.К.) – индивидуального стиля Пушкина” [2, с. XIV].

В предлагаемой статье под языком писателя будет пониматься вся совокупность и система языковых средств, употреблявшихся писателем для изображения в художественных текстах и выражения мыслей во всех других случаях с присущим ему синтаксисом и авторским стилем. А под словарём языка писателя будем понимать именно и с черпы в а ю щ е е представление каждого слова, зарегистрированного в корпусе текстов писателя, во всех прямых и переносных значениях, во всех индивидуально-смысловых вариациях, приобретаемых в контексте, понимаемом, по А. Ф. Лосеву, как “широчайший принцип”. Добавим к этому ещё и то, что, например, интересующая нас область словарного состава языка, именуемая собственными именами, вопреки выбору, сделанному составителями словаря языка Пушкина: {“[...] не помещаются в словаре собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении. Отступление в этом отношении сделано для собственных имён античной, библейской и христианской мифологии, играющих обычно в творчестве Пушкина определённую стилистическую роль, а также для условно-поэтических имён (Лида, Лилета и др.)” [13, с. XVI]}, – должна в нём присутствовать в обязательном порядке.

После этих кратких пролегоменов обратимся к выработанным учёными положениям, определяющим основные линии развития лексикографии в той специфической области, которую именуют ономографией. Термин не случаен и, по нашему мнению, необходим уже по той простой причине, что область проприальных единиц языка огромна и чрезвычайно разнообразна, а специфика её составляющих требует особых технологий описания в словарях.

Собственные имена – это область языков и культур, а также система единиц со структурой, организованной до такой степени сложно, что учёные вынуждены иногда прибегать к конвенциональным решениям. Сталкиваясь с необходимостью разграничений там, где каждая проприальная единица, обладающая множеством признаков и свойств, “отягощена” обстоятельствами конкретных употреблений, а границы между теоретически формируемыми таксонами в связи с этим размыты, массив собственных имён в языке писателя целесообразно представлять и описывать всё-таки с использованием таксономических подходов.

Несмотря на то, что таксономические категории непосредственно характеризуют не конкретные объекты, а лишь логические принципы их типологизации,

квалификации и способы построения классификаций, именно они открывают возможности для достаточно полного определения характеристик каждого из типов онимов, предназначенных для дальнейшей ономографической обработки. Так, дихотомический подход к разделению проприальной лексики по основанию “отношение к миру художественной литературы” позволяет всю совокупность собственных имён языка определённой культуры (включая интерлингвальные и интеркультурные компоненты) представить в виде двух групп: подмножества онимов и подмножества поэтонимов. Поскольку литературоведческая задача отнесения того или иного текста к разряду художественной литературы, увы, не решена с необходимой для идеальной таксономии степенью однозначности, конвенциональность такого предложения очевидна. Но оно служит достаточно прочным основанием для построения теоретической базы ономографии языка писателя и поэтонимографии как самостоятельной её задачи.

С другой стороны, границу между онимами и поэтонимами “размывают” (хотя, конечно, только в сознании тех, кто недостаточно ясно представляет ситуацию, имеющую место на границах разных ономастических классификаций) так называемые фигуративные употребления. Термин этот не имеет широкого “хождения” у нас, но используется ономатологами-славистами в Европе. Мы предлагаем понимать под “фигуративностью” особое свойство проприальных единиц, так сказать, заложенное в них “умение” преобразовывать собственные образные свойства и способность становиться смыслообразующим центром тропов и фигур речи. Процессу преобразования образных свойств имён свойственны все черты диалектического развития. Собственное имя обладает качеством непрерывной семантической текучести, способностью к бесконечному содержательному насыщению. Нарастание интенсивности образной сферы превращает аниконическое имя в имя-индекс (от греч. *Ἰνδῆχ*). Этим термином можно обозначить собственные имена, употребляющиеся как в художественной, так и в нехудожественной речи настолько часто, что их латентная образность перестает фиксироваться воспринимающим сознанием. Следующими по образной и содержательной насыщенности ступенями развития собственных имён можно считать имена-аллегии и имена-метафоры. Наибольшее же распространение получили имена-символы, частенько называемые прецедентными (что, по нашему мнению, ошибочно, поскольку противоречит общепринятому смыслу термина “прецедентность” и уравнивает его в значении с понятиями “известность” или “репрезентативность”). Границы, тем более четкие, между именами разной степени насыщенности содержательной сферы попросту неустановимы. Предельным же по степени содержательной и образной насыщенности является поэтоним-миф.

Формирование новых качеств языка и речи провоцирует дальнейшее проникновение фигуративности практически во все сферы функционирования онимов и отонимных образований (прежде всего, в зоны бурного развития средств массовой информации, включая всякого рода социальные сети). Поэтому сегодня фигуративность не является прерогативой только языка художественной литературы. Тем не менее, фигуративность – это основание для новой дихотомии, позволяющей разграничить образные и аниконические употребления проприальных единиц. Под аниконическими (от греч. *εἰκὼν* – образ) мы понимаем функции собственных имён, лишённые признаков образности. Разумеется, в большей мере они свойственны онимии, но имеют место и в поэтонимии. Однако фигуративность не является обязательным качеством поэтонимии. Её развитие в поэтонимологии мы называем одним из направлений поэтонимогенеза, а его вариации исследуем едва ли не в каждой своей работе [см. начало в 5, с. 144–152].

Промежуточный результат рассуждений можно, опираясь на принцип дихотомического деления любого множества единиц языка, резюмировать следующим образом: 1) всю лексику любого языка можно разделить на две категории: имена и не имена; 2) все имена, выполняющие задачи номинации, можно разделить на имена собственные и имена нарицательные; 3) любое собственное имя может обслуживать как художественные миры, так и любую другую сферу функционирования языка; 4) все собственные имена в языке писателя можно представить в виде подмножества онимов и подмножества поэтонимов; 5) все собственные имена в любой сфере функционирования могут использоваться как аниконически, так и фигуративно.

Следует, однако, признать, что, с точки зрения строгой теории классификации сложноорганизованных систем, пока мы обходились лишь таксономическими категориями и не обозначили ни одного таксона. В каждой из перечисленных дихотомий можно найти случаи и факты промежуточных состояний, что не даёт права на присвоение выявленным подмножествам “звания” таксонов, которые, как известно, должны занимать единственное место в системе и не пересекаться с другими таксонами. Более того, по нашему мнению, в существующей систематике онимных пространств строгое описание таксонов невозможно. Этому препятствует такое, например, явление, как транспозиции, переход онимов одного разряда в другой.

Следующий шаг в направлении углубления в конкретику ономастической систематики требует от ономографа решения вопроса о принадлежности имени к тому или иному разряду. Сделано в этом направлении много и остаётся лишь предложить разработанный в поэтонимологии специальный, ориентированный на проблемы поэтонимологии, подход к разделению онимии языка писателя на группы и разряды, соответствующие положению имени либо в художественной, либо в какой-либо иной части наследия автора.

По уже указывавшимся причинам, задача эта не простая, но прийти к соглашению следует непременно. Наиболее показательным примером здесь, пожалуй, будет наследие Л. Н. Толстого. Наиболее полным, из уже опубликованных, является 90-томник писателя [12]. Но в настоящее время уже ведётся работа над 100-томным полным академическим собранием сочинений. В его составе предусмотрены 18 томов художественных произведений и к ним 17 томов редакций и вариантов, 20 томов составят статьи, трактаты и разного рода сборники, 13 томов займут дневники и записные книжки писателя и, наконец, 32 тома будет отдано эпистолярному наследию. Следовательно, собственно художественное творчество займёт меньшую часть собрания (обратим внимание (!) в дневниках Л. Н. Толстого часто встречается фраза: “Пишу художественное”).

В. В. Виноградов в уже цитировавшемся предисловии к “Словарю языка Пушкина” напомнил: “Пушкину принадлежат два афоризма, которые сохраняют всю свою силу, всё своё значение [...]: “Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная”; “Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства” [12, с. XIII].

Словарь языка Л. Н. Толстого (работа над которым уже ведётся) “обязательно должен быть исчерпывающим”. И в его составе обязательно должны быть и онимы, и поэтонимы. Об особенностях этих групп собственных имён в общенародном языке и языке писателей, равно как и о необходимости по-разному описывать их в словарях языка писателей, написано и опубликовано автором статьи достаточно много (см., например, [5; 6; 7; 8; 9 и др.]). Поэтому, позволив себе ещё одно умолчание, задержимся на следующей таксономической проблеме.

По принципу классификации системы онимов языка (с целью сохранения генетических связей с нею) поэтонимию можно разделить на группы по принадлежности имен к определенной категории объектов художественной литературы. Так, объекту ‘человек в художественном произведении’ будет соответствовать категория “антропоэтоним” [греч. *άνθρωπος* ‘человек’ + *ποιέω* ‘делаю, творю’ (*ποιητική* – ‘поэтическое искусство’) + *ὄνομα* ‘имя’]. Тем же способом образуются термины “топопоэтоним” и “космопоэтоним” для обозначения соответственно географических и космических объектов в художественном произведении и т.д. Замена терминоэлемента *-оним* на *поэтоним*, практически не вызывая затруднений, позволяет создать (по аналогии с общеязыковым) перечень очень ёмких терминов для обозначения имеющих индивидуальные имена объектов поэтического мира.

После того, как вопрос об отнесении описываемой проприальной единицы к той или иной категории, группе, разряду и т.д. решён, начинается работа над её представлением в словаре. Однако прежде взглянем на графический вариант наших таксономических рассуждений. Если опыт изображения удался, смысл изложенного выше станет понятнее.

Опыт создания словарей собственных имён, в том числе словарей поэтонимов, убеждает, что создание универсальной модели словарной статьи для представления хотя бы онимов и поэтонимов в языке конкретного писателя едва ли возможно. Тем не менее, в ономографической практике постепенно формируются подходы, методы и приёмы, которые пока целесообразно называть скорее советами, чем правилами.

Об одних автор статьи уже сообщал, другие нуждаются в дальнейшем обсуждении, уточнениях, выработке инвариантных и альтернативных решений. Чтобы проиллюстрировать, как можно и нужно бы описывать онимы и поэтонимы в языке писателя, сошлюсь на опыт словарной статьи ВОЛЬТЕР для словаря языка Пушкина, уже опубликованный [7] и потому представленный здесь “схематически”. Попутно замечу, что в личных опытах пушкинской ономографии автор статьи, с одной стороны, делает всё для сохранения традиций “Словаря языка Пушкина” [11] как вдохновляющего примера лексикографической практики, а с другой, вынужден нарушать некоторые принципы Образца. Следуя принципам, частично отмеченным выше, составители “Словаря языка Пушкина” ограничились лапидарной словарной статьёй, естественно, не отражающей роли этого имени ни в языке, ни в художественном творчестве Пушкина: **ВОЛЬТЕР** (1) *Имя французского писателя 18 в. в нариц. употр.* Улыбка, взоры, нежный тон Красноречивей, чем **Вольтэры**, нам проповедуют закон И Аристиппов, и Глицеры ♦ **Мн.И. Вольтэры**: *С₁ 83.7*” [11, т. 1, с. 344]. Кроме этого, отдельной статьи в словаре заслужило отонимное прилагательное “вольтеров”. Само собой разумеется, что ономографу есть что добавить к этим сведениям. Ведь только имя Вольтер употреблено в языке Пушкина 177 раз, а если добавить к этому онимные синонимы, употребления имени на французском языке, разнообразные дескрипции и онимные перифразы, то общее количество номинаций, относящихся к Вольтеру, значительно возрастает. Кстати замечу, что составители Словаря псевдоним французского писателя, историка и философа-просветителя *Мари Франсуа Аруэ* (1694-1778) ошибочно квалифицируют как имя. Наша словарная статья в цитируемом сборнике заняла 16 страниц [6, с. 290–306]. При этом поэтонимографическая составляющая “уместилась” всего на двух страницах, а остальное пространство заняла ономография.

Ещё одно важное напоминание: ономографическая составляющая словаря языка писателя немыслима без специальной фиксации поэтической семантики [см. 10], в том

числе поэтической семантики собственных имён [см. 8], которую здесь, по причине ограниченности объёма статьи, придётся не рассматривать.

Что осталось за пределами “Словаря языка Пушкина”, но, несомненно, отражает некоторые свойства, если не языка, то речи и стиля поэта? Во-первых, анализ информации, относящейся к летописи жизни и творчества Пушкина, позволяет сделать вывод, что Вольтер, внимательно изучавшийся в лицее, фигурировавший, к примеру, в лицейских программах по французской риторике, читавшейся Давидом де Будри, Вольтер “муж единственный”, “поэт в поэтах первый”, [...] <который> по признанию Пушкина, “всех больше перечитан, всех менее томит” [4, с. 69], вообще его имя, гораздо чаще использовалось самим поэтом и было “на слуху” в устной речи лицеистов и литераторов пушкинского круга, поскольку Вольтера можно отнести к числу тех исторических личностей, которые сыграли чрезвычайно важную роль в развитии идеологии дворянской молодёжи конца XVIII – первой половины XIX в. Не подлежит сомнению и то, что поэтическому использованию имени *Вольтер* предшествовало знакомство Пушкина с личностью великого француза. А варианты, рукописи и черновики, рассмотренные наравне с основными текстами, дают богатый дополнительный материал. Живым приёмом использования поэтонима Вольтер у Пушкина было риторическое обращение, многочисленные онимизированные перифразы, метонимии, генетивные конструкции и т.д. Особое место личности Вольтера в литературно-критической деятельности Пушкина также осталось за пределами интересов составителей “Словаря языка Пушкина”.

В чём состоит особенность подхода ономастов и поэтономологов к “устройству” и опустимым вариациям основной модели словарных статей? Наведение порядка в онимографической технике потребовало в своё время, с одной стороны, разработки сравнительно полной и позднее проверявшейся на значительном материале Инструкции к составлению словаря собственных имён в языке писателя, а с другой – признания того факта, что фиксация всех без исключения употреблений имени в языке писателя часто требует пусть незначительных, но всё-таки перемен в технике и технологиях описания.

Итак, во-первых, наш подход отличается от Образца самой идеей включения собственных имён в состав словаря языка писателя. Следующее отличие касается 1) объёмов, привлекаемых для словаря собственных имён в языке Пушкина текстов и 2) полноты иллюстративного материала. Вопрос, поставленный как глобальная задача онимографии, требует всестороннего обсуждения и следования принятым договорённостям. Однако до тех пор, пока в этом отношении нет окончательного решения, имеет смысл придерживаться правила максимально полного привлечения материала исследования и тезаурусного принципа отражения его в иллюстрациях. А имеющиеся в настоящее время возможности электронного хранения информации снимают с повестки дня задачу экономии средств на издания. Каждая статья в онимной составляющей словаря языка писателя должна представлять весь материал, относящийся к имени, со всеми формами и во всём объёме употреблений. Отдельно решается задача представления других форм имени. В случае с именем Вольтер другими формами имени считались: 1) различные по уровню полноты русскоязычные формы собственного имени данного объекта номинации из числа употреблённых Пушкиным; 2) иноязычные формы собственного имени описываемого объекта номинации; 3) к другим формам условно были отнесены онимные перифразы и дескрипции. Всё изложенное выше удобно проиллюстрировать заголовком словарной статьи ВОЛЬТЕР в нашем опыте.

ВОЛЬТЕР [177], **АРУЭТ** [2], **“ВОЛЬТЕР”** [1], **MR. DE VOLTAIRE** [2], **VOLTAIRE** [6], **VOLT.<AIRE>** [1], $\approx$ **АРЬОСТА**, **ТАССА ВНУК** [1], **БАЛОВЕНЬ** **ЕВРОПЫ** [3], **ВЛАДЫКА МНЕНИЙ** [1], **ВОЖДЬ УМОВ** [2], **ВОЖДЬ ФИЛОСОФИИ** [1], **ВСПЫЛЬЧИВЫЙ ФИЛОСОФ** [1], **ВСПЫЛЬЧИВЫЙ СТАРЕЦ** [1], **ДУМ НОВЫХ СЕЯТЕЛЬ** [1], **ЕДИНСТВЕННЫЙ СТАРИК** [1], **ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОТИВНИК** [1], **ЗНАМЕНИТЫЙ СТАРЕЦ** [1], **ИДОЛ ЕВРОПЫ** [3], **КИПЯЩИХ МНЕНИЙ ВОЖДЬ** [1], **МНЕНИЙ ВОЖДЬ** [1], **МУЖ ЕДИНСТВЕННЫЙ** [1], **НАПЕРСНИК ГОСУДАРЕЙ** [1], **ОРАКУЛ ПОСЕДЕЛЬЙ** [1], **ОРАКУЛ ФРАНЦИИ** [1], **ОТЕЦ КАНДИДА** [1], **ПЕВЕЦ ЛЮБВИ** [1], **ПЕРВЫЙ ПИСАТЕЛЬ СВОЕГО ВЕКА** [1], **ПОЭТ В ПОЭТАХ ПЕРВЫЙ** [1], **ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ** [1], **ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОВРЕМЕННЫХ МНЕНИЙ** [1], **ПРЕДВОДИТЕЛЬ УМОВ И СОВРЕМЕННОГО МНЕНИЯ** [2], **СВЯТОЙ ИЗГНАННИК** [1], **СЕДОЙ ШАЛУН** [1], **СОБЕСЕДНИК ЕКАТЕРИНЫ** [4], **СОБЕСЕДНИК ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ И ФРИДЕРИКА II** [1], **СОПЕРНИК ЭВРИПИДА** [1], **СТАРИК С ПЛЕШИВОЙ ГОЛОВОЙ** [1], **СУЛТАН ФРАНЦУЗСКОГО ПАРНАССА** [1], **СЫН МОМА И МИНЕРВЫ** [1], **ТВОРЕЦ МЕРОПЫ И КАНДИДА** [2], **УМОВ ... ВОЖДЬ** [1], **УМОВ И МОДЫ ВОЖДЬ** [1], **ФЕРНЕЙСКИЙ ЗЛОЙ КРИКУН** [1], **ФЕРНЕЙСКИЙ СТАРИЧОК** [1], **ФЕРНЕЙСКИЙ ФИЛОСОФ** [1], **ФИЛОСОФ И РУГАТЕЛЬ** [1], **ЦИНИК ПОСЕДЕЛЬЙ** [1], **ЦИНИК ПРЕСТАРЕЛЬЙ** [1], **ЭРАТЫ НЕЖНОЙ ДРУГ** [1].

Материал, как видим, прелюбопытнейший, функционально и семантически разнообразный [в обращении, в значениях ‘произведение или творчество (имярек)’, ‘философы (мн.)’ ‘книга, том (имярек)’, в традиционной метонимической паре *творение – творец*, в значениях ‘взгляды (имярек)’, ‘память о (имярек)’ и т.д.]. Отдельного разговора заслуживают ономастические перифразы и дескрипции, поэтические определения и поэтическая семантика имени.

Обсуждение множества других вопросов ономографии, совершенствование ономографической теории и техники, поиск приёмов унификации лингвостилистического комментария, представления поэтики онимов и поэтической семантики, дифференциация сходных по структуре и типу описательных конструкций, решение задач представления ономогенеза, разработка формата и структуры баз данных для “машинного” варианта ономографии языка писателя и т.д. – актуальные задачи дальнейшего развития. Важнейшей задачей остаётся создание дополнения “Онимная лексика” к “Словарю языка Пушкина”. Не менее важной представляется аналогичная задача, которая может решаться применительно к языку Н. В. Гоголя. Она, несомненно, сложнее по той причине, что, к сожалению, академическая филологическая наука до сих пор даже не ставила вопрос о создании словаря языка Гоголя, писателя всемирного значения, талант которого не может быть по достоинству оценён без глубокого и всестороннего изучения его языка.

Л и т е р а т у р а :

1. Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 7); Евангелии от Луки (гл. 11, ст. 9).
2. *Виноградов В. В.* Предисловие к 1-му изданию / В. В. Виноградов // Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2000. – Т. 1. – С. X–XV.
3. *Винокур Г. О.* Язык писателя и норма / Г. О. Винокур // In Honor of Professor Victor Levin: Russian Philology and History / eds W. Moscovich et al. – Jerusalem, 1992. – С. 19–33.
4. *Жирмунский В.* Пушкин и западные литературы / В. Жирмунский // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. – М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1937. – Вып. 3. – С. 69.
5. *Калинкин В. М.* Поэтика онима / В. М. Калинкин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.

6. *Калинкин В. М.* Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина) / В. М. Калинкин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 247 с.
7. *Калинкин В. М.* На подступах к пушкинской онимографии / В. М. Калинкин // К “Оправданию филологии” или Вариации на тему общего дела : сб. науч. тр. / ред. кол. : В. М. Калинкин (отв. ред.) и др. – Донецк, 2011. – С. 257–312.
8. *Калинкин В. М.* Несколько замечаний о “словарном деле” в связи с задачами писательской онимографии / В. М. Калинкин // Восточнославянская филология. Языкознание : сб. науч. тр. / ред. кол. : С. А. Кочетова и др. – Горловка : Изд-во ОО ВПО “ГИИЯ”, 2016. – Вып. 3 (29). – С. 3–13.
9. *Калинкин В. М.* Знакомьтесь: поэтонимология / В. М. Калинкин // Вестник Тамбовского университета. Серия “Филологические науки и культурология”. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2016. – Т. 2. – № 4 (8). – С. 18–27; 2017. – Т. 3. – № 1 (9). – С. 10–17.
10. *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М. : “Языки русской культуры”, 1998. – 824 с.
11. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 19 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1995–1999. – Т. 19. Информационно-справочный.
12. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928) / Л. Н. Толстой ; под наблюдением Гос. ред. комис. в составе А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1928–1964.

Лексикографические источники :

13. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2000.

References :

1. Yevangelii ot Matfeya [The Gospel of Matthew] (gl. 7, st. 7); Yevangelii ot Luki [The Gospel of Luke] (gl. 11, st. 9).
2. *Vinogradov V. V.* Predisloviye k 1-mu izdaniyu [Preface to the 1st edition] / V. V. Vinogradov // Slovar' yazyka Pushkina : v 4 t. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Rossiyskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. – М. : Azbukovnik, 2000. – Т. 1. – С. X–XV.
3. *Vinokur G. O.* Yazyk pisatelya i norma [Writer's language and norm] / G. O. Vinokur // In Honor of Professor Victor Levin: Russian Philology and History / eds W. Moscovich et al. – Jerusalem, 1992. – S. 19–33.
4. *Zhirmunskiy V.* Pushkin i zapadnyye literatury [Pushkin and Western Literature] / V. Zhirmunskiy // Pushkin. Vremennik pushkinskoy komissii. – М.-Л. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1937. – Vyp. 3. – S. 69.
5. *Kalinkin V. M.* Poetika onima [Poetics of the Onim] / V. M. Kalinkin. – Donetsk : Yugo-Vostok, 1999. – 408 s.
6. *Kalinkin V. M.* Teoriya i praktika leksikografii poetonimov (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina) [Theory and practice of lexicography of poetonics (based on A. S. Pushkin's works)] / V. M. Kalinkin. – Donetsk : Yugo-Vostok, 1999. – 247 s.
7. *Kalinkin V. M.* Na podstupakh k pushkinskoy onimografii [On the approaches to Pushkin onmography] / V. M. Kalinkin // К “Оправданию филологии” или Вариации на тему общего дела : сб. науч. тр. / ред. кол. : В. М. Калинкин (отв. ред.) и др. – Donetsk, 2011. – С. 257–312.
8. *Kalinkin V. M.* Neskol'ko zamechaniy o “slovarnom dele” v svyazi s zadachami pisatel'skoy onimografii [A few remarks about the "dictionary business" in connection with the tasks of the writer's onmography] / V. M. Kalinkin // Vostochnoslavvianskaya filologiya. Yazykoznanie : sb. науч. тр. / ред. кол. : S. A. Kochetova i dr. – Gorlovka : Izd-vo OO VPO “GIYA”, 2016. – Vyp. 3 (29). – С. 3–13.
9. *Kalinkin V. M.* Znamom'tes': poetonimologiya [Meet: poetology] / V. M. Kalinkin // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya “Filologicheskiye nauki i kul'turologiya”. – Tambov : Tambovskiy gos. un-t im. G. R. Derzhavina, 2016. – Т. 2. – № 4 (8). – С. 18–27; 2017. – Т. 3. – № 1 (9). – С. 10–17.
10. *Levin YU. I.* Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika [Selected works. Poetics. Semiotics] / YU. I. Levin. – М. : “Yazyki russkoy kul'tury”, 1998. – 824 s.
11. *Pushkin A. S.* Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works] : v 19 t. / A. S. Pushkin. – М. : Voskresen'ye, 1995–1999. – Т. 19. Informatsionno-spravochnyy.
12. *Tolstoy L. N.* Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works] : v 90 t. Yubileynoye izdaniye (1828–1928) / L. N. Tolstoy ; pod nablyudeniym Gos. red. komis. v sostave A. V. Lunacharskogo, V. D. Bonch-Bruyevicha, M. N. Pokrovskogo i I. I. Stepanova-Skvortsova. – М.; Л. : Gos. izd-vo, 1928–1964.

Lexicographic sources:

13. Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of Pushkin's language]: v 4 t. /otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov. – 2-ye izd., dop. / Rossiyskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. – M.: Azbukovnik, 2000.

Калінкін В. М. Власні імена у словниках типу “мова письменника” як проблема теоретичної та практичної лексикографії.

У статті розглянуто деякі аспекти онімографії (опису власних імен у словниках мови письменників), доводиться важливість розробки спеціальної теорії письменницької онімографії для подальшого розвитку лексикографії, обґрунтовується необхідність використання пропонуваної термінології. Представлено особливості онімографії поетонімів (власних імен літературно-художніх творів). На матеріалі спадщини О. С. Пушкіна показано деякі якості мови і творчої манери митця слова, які зумовлюють варіативність основних моделей словникових статей.

Ключові слова: лексикографія, модель словникової статті, онім, онімографія, поетика, поетична семантика, поетонім, поетонімографія, словник мови письменника.

Kalinkin V. M. Proper Names in Dictionaries of “Writer's Language” Type as a Problem of Theoretical and Practical Lexicography.

In the article some aspects of onymography (descriptions of proper names in dictionaries of the writer's language) are examined, the importance of developing a special theory of writing onymography for further development of lexicography is proved, the necessity of using the proposed terminology (the definitions of terms "onymography" and "poetonymography" are given, the expediency of allocation within lexicography of the special section – onymography, the distinctive features of onymography of proper names functioning in speech (first of all, representations of their figurative properties), features of poetonymography – a discipline that develops specific technologies for describing its proper names of literary and artistic works – are shown on the material of their proper names from A. S. Pushkin's legacy Some properties of the language and the artists creative manner of the word, predetermining the variability of the basic models of dictionary articles devoted to onyms and poetonyms.

Keywords: lexicography, model of the dictionary article, onym, onymography, poetic, poetic semantics, poetonym, poetonymography, dictionary of the writer's language.

УДК 811.111'01

Карлова В. О.
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

ДІАЛЕКТНИЙ СКЛАД ДАВНЬОАНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ ТА ЇЇ РЕЛІКТИ В ПИСЕМНИХ ПАМ'ЯТКАХ І ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ

У статті розглядається діалектний склад давньоанглійської мови, яка була утворена з говірок германських племен, що жили в IV–V ст. н.е. Існувало чотири основні діалекти в англо-саксонській Англії: кентський – мова ютів, які заселяли Кент; західно-саксонський, яким говорили в південному регіоні Темзи; мерсійський, поширений від Темзи до Хамберу, та нортумбрійський (північ р. Хамбер). Ці діалекти збереглися в нечисленних писемних пам'ятках та поетичних творах, найважливішим з яких залишається героїчна поема “Беовульф”.

Ключові слова: давньоанглійська мова, кентський, західно-саксонський, мерсійський, нортумбрійський діалекти, поема “Беовульф”.

Когнітивна лінгвокомпаративістика в її неофункціонально-дискурсивному векторі на сучасному етапі характеризується тенденцією до самоорганізації (Ж. Багана, О. В. Бондаренко та ін.) і, з-поміж іншого, останнім часом повертається до